сепаратизм позволил дойти дружинам, собранным великим князем, только до Канева, где они после кратковременного стояния — угрозы — вернулись («возвратишася къ Киеву, и разыдошася въ страны своя»). И сразу же оголенное Посулье стало жертвой половецкого набега («взяша все городы по Суле»), уцелел лишь Переяславль благодаря единству горожан и князя Владимира Глебовича.

ГПБ, F. IV, 233, л. 640.

Все случившееся составители объясняют «грехами», которые, впрочем, вполне конкретны: младшие князья «поидоша сами собою», что уже предопределяло провал; их охватила сначала зависть («мы есми цы не князи»), затем гордыня («братиа наша . . . билися съ Половцы, зряще на Переаславль»), затем — при встрече с объединенными силами половцев — страх («и величания своего отпадоша»). Так опрометчивый поход («строения божиа не ведуще») привел к гибели русских дружин («и погибе Русскихъ вой память съ шумомъ») и несчастью всей русской земли («половцы же со многымъ полономъ възвратишася въ вежи свои»). И даже бегство Игоря («избави его богъ изъ руку поганыхъ») стало причиной новых бед для его плененной дружины («прочихъ же начаша твердо дръжати, и многими железы отягчати ихъ»). Такова суть извлечений из двух летопи-